

детектив - событие

Валерия Лемах

БОГИНЯ КОФЕЙНОГО РАЯ

Валерия Леман
Богиня кофейного рая
Серия «Детектив-событие»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8275766
Леман, Валерия. Богиня кофейного рая : роман: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-74900-3

Аннотация

Ален Муар-Петрухин жестоко обманут в своих ожиданиях: его возлюбленная Соня упорхнула из Парижа, где они хотели встретить Рождество. Чтобы не оставаться в одиночестве, Ален отправляется в далекую Танзанию и сразу же натывается на труп местного жителя Нгалы... Скульптор Джимми Нгума все свои силы отдал работе над драгоценной статуэткой Черной Мари, которую он мечтал передать в дар храму. Теперь же фигурка пропала, а помощник мастера, подозреваемый в ее похищении, был найден мертвым...

Русский негр Леня Куятэ собирался отдохнуть на родине предков, как вдруг танзанийская полиция повесила на него сразу несколько преступлений, и сейчас ему приходится рассчитывать только на детектива-любителя Алена...

Черная Мари – богиня луны жаркого континента, и как переменчив лик лунного месяца, так же капризно его божество – Мари наказывает и балует, и лишь немногие знают истинную ценность ее любви...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	28
Глава 9	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Валерия Леман

Богиня кофейного рая

Когда откроются глаза души...

Открыть глаза души

© Леман В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

Инициатива наказуема

Все было сто раз обдумано, и, казалось бы, ничто не должно нарушить мои святые планы на Рождество: мы с Соней вдвоем в Париже, вечно юные и влюбленные, без привычной массовки в лице приятелей и подруг. Tête-à-tête встречаем лучший из праздников, гуляем ночь напролет, встаем ближе к обеду, бродим по парижским улочкам, поглощая жареные каштаны, подкрепляясь в лучших ресторанчиках, напрочь выкинув из головы банальные проблемы бытия.

Все было заранее подготовлено тщательнейшим образом, проверено-перепроверено, а потому не должно было подвести. Я, в буквальном смысле рискуя жизнью и здоровьем, договорился с отцом, урожденным парижанином Жюлем Муаром, главой и владельцем косметической фирмы «Сады Семирамиды», накануне укотившим с очередной подружкой на Мальдивы, что проведу рождественскую неделю декабря в его домике в славном пригороде Парижа Сент-Женевьев-де-Буа.

Надо знать франкофонов в целом и моего отца в частности, чтобы представить, чего мне эти уговоры стоили: ну как же, допустить в собственный дом постороннего человека – пусть и родного сына, но с русскими корнями! Разумеется, отец настаивал на том, чтобы мы с Соней удовлетворились вполне приличной представительской квартирой фирмы «Сады Семирамиды». Я, в свою очередь, настаивал на более романтическом уединении в его славном домике.

Ситуацию спасло то, что любовь всей моей жизни – Соня Дижон – на хорошем счету у папика, потому как она, так и я, полукровка: у меня русская мама и папа-француз, у Сони – русская мама и папа-швейцарец. Я поклялся, что, кроме нас с Соней, в домике никого не будет, а мы будем в оном домике жить тихо, как мышки, без традиционных для всех россиян разнузданных пьянок-гулянок с дебоширством и разбитыми о головы друг друга бутылками.

В конце концов отец, которого мы с сестрой Ольгой между собой зовем Старым Лисом, без восторга, но сдался, в сто первый раз озвучив мне по телефону подборку всех своих нотаций. Я с сыновней покорностью их выслушал и в сто первый раз поклялся все выполнить на двести процентов. После этого я, в обычную прозу бытия проживающий в собственном домике с петушком на флюгере в зеленой зоне Москвы, отзвонился Соне, проживающей в собственном шале, расположенном прямо в противоположной зоне столицы, и славным вечерком двадцать первого декабря мы с ней вместе сели на самолет до Парижу, на крыльях любви и «Боинга» благополучно долетев до города праздника, который всегда с тобой.

Все было точно по моему сценарию ровно сутки: прилет, волшебная ночь любви в мирном домике отца. Наутро мы, на полную катушку выспавшись, поднялись, потянулись-раскачались и ближе к обеду отправились в город, для начала отобедав по классическому парижскому меню Рождества: луковый суп с тостами под сырной корочкой, мидии в лимонном соусе и белое сухое вино. Затем мы мирно побродили по Старому городу, бесчисленное количество раз покупая себе пакетики жареных каштанов, беспечно болтая и целуясь в паузах. Все было просто великолепно ровно сутки. Затем зазвучал сигнал тревоги.

Как говорится, инициатива наказуема. Когда-то, в годы нашей юности мятежной, когда мы с Соней познакомились, будучи студентами Московского института кинематографии, именно я, грешный бедолага, первым проявил глупейшую инициативу: однажды, под шампанское, предложил милой подружке пару годков погулять от души, после чего, возможно, и вступить в законный брак.

Тогда, помнится, невинное дитя Соня слегка поплакала над моим дерзким предложением, но вскоре воплотила его в жизнь, что называется, на все сто, закручивая волнующие истории любви с красавцами всех стран и народностей. А вот я, как ни парадоксально, остался при своих: когда твоя половинка легко находит тебе замену, вместо того чтобы смиренно ждать, пока ты нагуляешься, тогда, собственно, и гулять пропадает всякая охота.

Как бы то ни было, но незримая связь между нами с тех пор с трудом, но сохраняется. Тем более мы оба ценим романтические эпизоды, подобные этим рождественским дням в Париже. Мне бы жить да радоваться, не проявляя никаких новых инициатив! Но, как говорится, никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

К вечеру нашего первого парижского дня у меня вдруг родилась блестящая идея: я предложил Соне отзвониться всем родным и близким с простым и святым сообщением в следующем духе: «Мои дорогие, я в Париже с любимым человеком, а потому спешу заранее поздравить вас с приближающимися Рождеством и Новым годом, после чего поспешу отключить все свои телефоны, дабы остаться один на один с моим милым и единственным».

Что касается меня, то здесь все прошло гладко и буквально за считанные минуты: я поздравил по телефону с приближающимся Рождеством мою дорогую маму, коренную москвичку, последние годы проживающую и работающую в далекой жаркой Африке, в национальном парке Серенгети; я позвонил в Москву сестре Ольге, с которой мы вместе трудимся в столичном филиале отцовских «Садов», а также нашему дражайшему отцу, не забыв лишний раз душевно его поблагодарить за любезно предоставленное любовное гнездышко.

Каких-то десять-пятнадцать минут – и с моими звонками было благополучно покончено, и я, наивный чукотский юноша, блаженно улыбался, полагая, что у Сони процедура обзвона получится еще короче, потому как ее на редкость капризная и непредсказуемая маман никаких религиозных праздников не признает, а швейцарский папа покинул наш бренный мир несколько лет тому назад.

Все получилось с точностью до наоборот. Соня действительно сделала один-единственный звонок, который получился на редкость коротким, он длился от силы пару минут. И тем не менее именно эти минуты полностью перечеркнули все наши планы на совместное Рождество.

Великая художница Соня позвонила своему приятелю-агенту в Женеву, где когда-то жил не тужил ее отец и где регулярно проходят выставки ее нетленных полотен, совершенно непонятных моему убогому разуму. Агент невероятно обрадовался неожиданному звонку (благо сэкономил на звонке сам) и тут же потребовал, чтобы Соня немедленно вылетала в Женеву, потому что выставки ее произведений весьма удачно вошли в программу рождественских встреч.

Между тем надо отметить, что моя дорогая подруга всецело предана своему художественному призванию. Иногда мне кажется: разбуди ее среди ночи, сунь в руки кисть, и она тут же, без малейшей паузы и заморочки, начнет творить нечто гениальное. Вот почему столь сенсационное известие моментально изменило наши совместные планы.

Дав отбой, она повернулась ко мне со счастливой и ослепительной улыбкой, встряхнув головой.

– Знаю, сейчас ты начнешь кричать и возмущаться, но, прошу тебя, мой дорогой Алэн, не трать силы впустую! Ты меня знаешь не первый год, если я что решила – я это делаю. А конкретно сейчас я быстренько собираюсь-одеваюсь, заказываю себе билетик на самолет и лечу в Женеву: завтра в обед – первая презентация выставки моих картин в мэрии города.

– Соня...

Она на мгновение прищурила свои синие глазищи.

– Повторяю: не трать силы впустую. Лучше закажи мне билетик – кажется, там был вечерний рейс. Надеюсь, мне не придется заказывать такси, ведь ты сам отвезешь меня в аэропорт?..

Глава 2

С глаз долой – из сердца вон

Повторюсь: инициатива наказуема. Лучше бы я попросту втихую отключил Сонин телефон, и дело с концом! А теперь что-либо говорить, плакать, стонать, заклинать возлюбленную было совершенно бесполезно, уж в этом она была абсолютно права: только лишняя трата сил и времени.

У меня на мгновение мелькнула мысль, что любимая могла бы пригласить меня лететь вместе с ней. В таком случае место действия моего романтического сценария попросту переместилось бы из одного города в другой, но...

Но Соня ничего такого не предложила. Мне только и оставалось, что молча открыть страничку Интернета, заказать и даже оплатить ей билет до Женева. Еще пара часиков – и я отвез любимую в аэропорт, посадил на самолет и помахал на прощание ручкой. «Прощай, любовь моя! И если навсегда, то навсегда прощай!»

Вот и все. В девять часов вечера я остался один в Париже, один во вселенной. Жизнь с ее праздниками мгновенно потеряла все свое очарование, и я совершенно не знал, чем себя занять. Я стоял в предпраздничной сутолоке аэропорта и бесцельно пялился на собственное отражение в стеклянной витрине.

Вот тут и раздался спасительный звонок моего мобильного. Как вы думаете, кто звонил? Самый дорогой человек, который волшебным образом приходит на помощь в самые черные минуты жизни ветреной, бесценной, – мама.

– Ален, дорогой мой, только, пожалуйста, не ругай меня, – вместо приветствия начала она. – Просто когда ты сегодня позвонил с утра пораньше, я была немного занята, а потому не совсем поняла, что ты хотел сказать – что-то про католическое Рождество? Не мог бы ты все повторить – сейчас я совершенно свободна.

Это была спасительная нить, что кинули мне небеса! Я невольно улыбнулся, в одно мгновение забывая коварно покинувшую меня Соню, словно наяву увидев прямо перед собой дорогую маму – загорелое милое лицо, непокорные русые пряди, которые она периодически отбрасывает с лица, строгие серые глаза, которые всегда смотрят с теплотой, любовью и легкой иронией.

– Это хорошо, что ты тогда ничего не поняла, – бодро ответил я. – Потому как мои планы кардинально меняются: я лечу к тебе! Надеюсь, у вас там, в Танзании, справляют Рождество с плясками вокруг костра?

Бедная мама! Я тут же представил, как она слегка нахмурилась, в очередной раз отбросив прядь с лица.

– Ален, полагаю, ты шутишь?

– Отнюдь нет, дорогая мамуля! Или ты не желаешь меня видеть? В таком случае я, разумеется, никуда не полечу.

Мама тут же заволновалась.

– Как раз наоборот! Веришь ли, я сегодня даже прослезилась. Подумала, что сто лет вас с Ольгой не видела! Вернее, Ольгу-то видела пару месяцев назад, она ведь меня время от времени навещает, а вот ты с твоими непонятными страхами перед «дикой Африкой»...

Я бодро потряхнул буйной головушкой, широко расправляя богатырские плечики.

– Все, мама, я кардинально изменился и больше ничего не боюсь! Немедленно беру билет и лечу к тебе встречать Рождество. Подскажи только, как побыстрее до тебя добраться.

Пара минут подробных маминых инструкций, и я без проблем взял билет на транзитный авиарейс Париж – Дар-эс-Салам – Аруша. Подумать только, каких-то восемнадцать

часов полета – и я обниму дорогую маму! Тут же, как по заказу, на память пришли стихотворные строчки Корнея Чуковского: «Не ходите, дети, в Африку гулять...» Бессмертного «Бармалея», помнится, нам с сестренкой читала мама, когда мы всей компанией уютно устраивались на диванчике в гостиной.

Тут же, как по заказу, объявили посадку. Мне только и оставалось, что налегке, без минимального багажа, только с паспортом в кармане, пройти в сектор отлета, успеть прикупить в свободной зоне легкий рюкзачок, чтобы было куда запихнуть зимнюю куртку, и махнуть рукой на прощание всем своим несбывшимся мечтам о Рождестве в Париже с синеглазой Соней.

Как говорится, с глаз долой – из сердца вон.

Глава 3

Самый долгий перелет

Признаться, это был мой первый столь длительный перелет, ведь, сказать по правде, я больше путешествую по доброй старой Европе, где страны размером с носовой платок, так что и дорога не занимает много времени. И вот я оказался запертым в салоне авиалайнера едва ли не на целые сутки! Ну а поскольку путешествие вышло чистым экспромтом, я не прихватил с собой никакого занятого чтения или банальнейших сканвордов, дабы скрасить унылые часы полета.

Впрочем, при всем при том все было вполне неплохо. Для начала нас попотчевали неплохим ужином, после чего я принялся довольно мирно размышлять о превратностях собственного бытия, в итоге придя к жизнеутверждающему выводу, что уж кому-кому, а мне грех жаловаться. Судите сами.

Я родился в счастливой и благополучной семье: мама – преподаватель МГУ, отец – владелец косметической фирмы «Сады Семирамиды» со множеством магазинчиков по всему свету, в одном из которых зарабатываем себе на чашку кофе с круассаном и мы с сестренкой.

Встретившись, полюбив друг друга и узаконив свои отношения, юные и прекрасные Жюль и Марго первое время жили на две страны: то в Москве, где отец не преминул по случаю открыть свой салон-магазин, то в Париже, где мама даже пару лет преподавала ботанику в местном лицее. И пусть отец по жизни несколько суховат в своих отцовских чувствах, зато наша дорогая мама любила и любит нас с сестрой Ольгой преданно и верно – за двоих.

Мы с сестренкой всегда были ее главным сокровищем. Мама рассказывала нам бесчисленное количество сказок, выслушивала наши детские фантазии и давала свои скромные советы, а каждое лето непременно отвозила в деревню под Тамбовом, к своей маме – нашей любимейшей бабуле Варваре, которая была для нас настоящей энциклопедией жизни, обучая всему на свете: печь блинчики, разгадывать сны, петь матерные частушки и молиться Пресвятой Деве Марии.

Наверное, из-за нас, деток, в конце концов родители и развелись. Повторюсь: отец, педантичный и расчетливый француз, любил нас ровно настолько, насколько положено по статусу любящего отца, и ни на грамм больше. Именно потому его вечно раздражала готовность мамы едва ли не спать с нами в обнимку. Тем не менее развелись они мирно, оставшись добрыми друзьями. Напоследок отец отстроил маме двухэтажный домик в зеленой зоне Москвы, где мы и жили-поживали, ежегодно проводя в общей сложности ровно три месяца с отцом в Париже либо в совместных поездках с ним по миру.

Стало быть, сами видите – мою судьбу вполне можно назвать удачной. Всю жизнь я делал лишь то, что хотел. Трижды пытался получить высшее образование: на журфаке МГУ, на отделении прозы Литературного института и на актерском факультете ВГИКа. Отучившись год-другой и потеряв интерес к дальнейшему овладению знаниями, я легко забирал свои документы, продолжая куролесить по жизни.

Лишь последние годы, всерьез взявшись за труды в качестве главной акулы рекламного отдела отцовских «Садов», я, можно сказать, остепенился. Стало быть, на сегодняшний день моя главная и, по сути, единственная пока что неразрешимая проблема в жизни – строптивая и самолюбивая Соня Дижон...

Я вздохнул, повернувшись к иллюминатору, за которым в черной бездне ночных небес лишь тускло светились где-то далеко внизу огоньки стран и городов. Да, что ни говори, а вот в любви меня боги обидели. С тех самых пор, когда я сам, по собственной глупости предложил Соне не торопиться вступить в брак, дабы еще немного порезвиться на свободе, –

с тех самых пор она и резвится с завидной энергией. Конечно, нельзя сказать, что я при этом живу аскетом, и у меня время от времени случаются романтические love story, но до Сони, ей-богу, мне уж точно недотянуть. Каждый, кому Соня однажды улыбнется...

На этом мои мысли начали понемногу тормозить и путаться, без точек и запятых сливаясь с потоками усталого сна.

...Синие глаза Сони, в которых запросто может утонуть любой совершеннолетний футболист – футбольное поле, мяч, летящий в ворота – я трясую Соню за плечи, доказывая свою неистовую любовь к ней – пакет каштанов в моих руках, а каштаны нещадно поглощают все та же Соня – я начинаю кричать на нее, перечисляя все известные мне на сегодняшний день ее жестокие измены – улыбка мамы, ее голос, неспешно читающий бесконечную сказку из толстой книжки – «Нет, дорогая, так дело не пойдет! Если ты немедленно... немедленно... немедленно...»

Пробуждение наступило утром следующего дня. Неторопливо всплывая из месива сна, я отрывочно вспоминал вчерашние события, так что открывал глаза уже в мрачном осознании всех реалий: на календаре двадцать четвертое декабря, а я, ненормальный, лечу в пятую точку географии – в жуткую Черную Африку, где меня запросто скушает на завтрак какой-нибудь лохматый, сто лет не мытый лев. Или даже кто-нибудь из собратьев-папуасов.

Я решительно встряхнул головой и уселся поудобнее в кресле, от души потянувшись. Самолет наполовину пустовал, но рядом со мной, в соседних креслах, пристроилась парочка британских пенсионеров. Вежливо поздоровавшись с ними при посадке и обустройстве на местах, я почти тут же выкинул их из головы: слишком уж был погружен в свои садомазохистические размышления. А вот теперь, после того как нам принесли на завтрак по чашечке кофе с булочками и джемом, одним вежливым приветствием дело не обошлось.

– Хорошо спали, молодой человек?

В этой парочке главным оратором, безусловно, была супруга, ее муж по большей части молчал и лишь кивал с улыбкой, словно одобряя и подписываясь заранее под всем сказанным.

– Ах, вы просто не представляете, как похожи на нашего дорогого племянника Рольфа! Он – сын моей младшей сестры. Те же глаза, овал лица, даже привычка значительно приподнимать одну бровь. Мы с мужем это еще вчера заметили и обсуждали, когда вы уснули.

Я на минуту представил себе это бурное обсуждение: оба разглядывают меня, спящего-храпящего, при этом миссис бурно констатирует мою схожесть бог знает с кем, в изумлении качая головой и сцепляя ручки, а мистер покорно улыбается и кивает.

– У меня довольно банальная внешность, – скромно улыбнулся я. – Возможно, очень многие на меня похожи, включая вашего принца Чарльза.

Миссис весело расхохоталась, толкая в плечо мужа, и тот вдвое быстрее закивал-заулыбался.

– Вы очень симпатичный молодой человек, – с чувством произнесла она и протянула мне руку. – Между прочим, нам давно пора представиться. Миссис Энджел, или просто Джуди, а это мой супруг – мистер Энджел, или просто Питер. Сами видите, наша фамилия – Энджел (то бишь по-русски – Ангеловы), но мы – не ангелы, мы простые люди. Очень приятно познакомиться!

По всей видимости, шутка по поводу «ангельской» фамилии была коньком Джуди – она расхохоталась, явно ожидая и моей столь же восторженной реакции. Пришлось и мне весело оскалиться.

В свою очередь, представившись и объяснив свою двойную фамилию российско-французской историей любви моих родителей, я в очередной раз услышал восторженные реплики Джуди по поводу нашего удивительного сходства с ее племянником Рольфом и в этом вопросе.

– О, ваша жизнь словно идет по одному сценарию! Дело в том, что наш милый Рольф родился от брака моей сестры Милли со швейцарцем Бадди Леконт. Бадди был жутко богат, а Рольф получил от отца в наследство не только капиталы, но и талант ловко с ними управляться. У него особняки по всему миру, но он предпочитает именно Африку, в Египте у него самый настоящий дворец недалеко от Каира, там он и живет большую часть года. Собирает разные древности и ценности по всему миру, ни в чем себе не отказывает. И родных не забывает!

Тут Джуди горделиво вздернула подбородок.

– Сами скоро увидите, ведь Рольф будет встречать нас в аэропорту Дар-эс-Салам. Как только он услышал, что мы с Питером летим на сафари, то сразу попросил нас не садиться в самолет Дар-эс-Салам – Аруша. Сказал: я сам вас встречу и отвезу в Арушу на собственном самолете. Представляете, у него есть собственный маленький симпатичный самолетик! Если желаете, мы и вас с собой возьмем, – ведь, если не ошибаюсь, у вас тот же билет, что и у нас – с пересадкой, до Аруши?

Разумеется, я согласился: не будет нужды ждать почти четыре часа до рейса на Арушу в диком африканском аэропорту, по которому, вполне возможно, прогуливаются гамадрилы и слоны. Я выразил свое согласие, сразу же вежливо и сердечно поблагодарив англичан. Вот тут и начались восторженные гимны по поводу предстоящего сафари, торжественного подъема на Килиманджаро и прочих мероприятий. Выслушивая монологи миссис Энджел, я лишь улыбался и кивал – в точности как и ее супруг.

Одновременно я размышлял о своем: я уж точно ни на какие сафари и шагу не сделаю, поживу от силы недельку в маминых апартаментах городка Аруши, выслушаю все ее рассказы о национальном парке Серенгети и его дивных хрюшках-зверюшках, всему свято поверю на слово, после чего куплю пару-тройку симпатичных африканских сувенирчиков (благо собирать вещички нет нужды!), и – прощай, Черный континент! – с восторгом сердечным вернусь в чистую уютную Европу.

Глава 4

Шаг в Африку

«Мы шагнули в Африку! Правда, здорово? Наши первые шаги по удивительной Африке!»

Эти слова с умилением и восторгом сердечным бесконечно повторяла славная Джуди, сделав первые шаги по не слишком чистому полу аэропорта Дар-эс-Салама. Излив свои восторги, славные британцы начали озиаться по сторонам в поисках своего богатого племянника, как две капли воды похожего на меня, грешного. Увы, швейцарским богачом с дворцом под Каиром и не пахло. Между тем Джуди начала заметно нервничать. Она вдруг наклонилась к самому моему лицу и прошептала:

– Все-таки как хорошо, что мы с вами познакомились! Скажите, вам здесь немного... Немного не страшно? Похоже, мы с вами тут единственные белые! Господи, где же наш Рольф? Надеюсь, он о нас не забыл!

Я огляделся. Черт возьми, а ведь мы действительно были ужасным белым пятном на темном фоне! Вокруг пестрел яркими красками аэровокзал, спешили, хохотали, скалили зубки люди – все как на подбор темнокожие, от цвета кофе со сливками до абсолютно черного, с синеватым оттенком, и все, как один, смотрели на нас с любопытством и едва ли не с жалостью, как на бледный, недопеченный пирог.

Это открытие заставило меня поежиться: как ни крути, а в этой черной толпе мы выглядели белыми воронами. Я даже пожалел, что в связи с перелетом из зимы в жаркое лето мне первым делом пришлось побыстрее скинуть куртку, запихав ее в мини-рюкзак: будь куртка на мне, я бы поглубже натянул капюшон на лицо, дабы не мозолить черному люду глаза.

Разумеется, я попытался успокоить британцев – дескать, их племянник где-то слегка задержался, но мы можем чудесно подождать его в местном кафе, которое первым делом бросилось мне в глаза: скромные столики с выходом напрямую в город, потому как одной стены в кафе попросту не было. Мы устроились за столиками, и черная, как смоль, официантка принесла нам апельсиновый сок, расставив бокалы на столе с ослепительной улыбкой.

– Повторяю в сотый раз: вы очень милый молодой человек, Ален, – вздохнула Джуди, с удовольствием отпивая апельсиновый сок. – Очень надеюсь, скоро появится наш Рольф, и в Арушу мы полетим все вместе. Рольф нас отвезет в туристическую фирму, и мы после обеда сразу отправимся на сафари. А вы?

– Я не поклонник сафари, – пожал я плечами, стараясь улыбаться уверенно и жизнерадостно. – Я лечу в Арушу, чтобы встретить Рождество с мамой. Дело в том, что моя мама работает в Серенгети.

Британцы с восхищением закачали головами, зацокали языками.

– Но это просто замечательно! – вновь заговорила Джуди под кивки супруга. – Уверена, ваша мама сама устроит вам наилучшее сафари. Кстати, нам говорили: Арушу местное население с юмором называет Дар-эс-Сафари – по аналогу с Дар-эс-Саламом, потому что именно в Арушу полмира приезжает на великолепное сафари. Говорят, все там просто восхитительно! Только представьте: бескрайняя саванна, стада зебр, жирафов и антилоп...

Джуди просто задыхалась от восторга. Ее супруг вальяжно кивал, словно подтверждая и заверяя каждое слово и заранее предвкушая сладостную встречу с дикой природой. Вот тут и раздался высокий, великолепно поставленный баритон.

– Наконец-то я вас нашел, мои дорогие! Извиняюсь, я чуть припоздал – сами понимаете, миллион дел!

Что ж, парень Рольф был хоть куда: высокий, ладный, холеный, может, он в общем и целом и был скроен со мной по общей выкройке, да только я рядом с ним в одно мгновение ощутил себя сирым и убогим, сто лет не посещавшим баню индивидуумом без личного самолета.

Славная Джуди тут же подскочила и принялась обнимать-целовать любимого племянничка-богача. Дядя Питер сердечно тряс ему руку, так же напоследок крепко обняв. Я ограничился лишь любезной улыбкой и сдержанным рукопожатием. Мне не понадобилось даже представиться – за меня это сделала Джуди.

– О, Рольф, это наш русский друг Ален, мы познакомились с ним в самолете из Парижа. Только представь себе, мой дорогой: его отец – парижанин, он, как и ты, с детства говорит на двух языках и путешествует по миру. Познакомьтесь, мальчики, у вас так много общего!

Красавчик Рольф Леконт в ответ только улыбнулся снисходительной улыбкой, встряхнул роскошной шевелюрой блестящих завитушек, всем своим видом наглядно демонстрируя, что общего у нас, кроме возраста, не так уж и много. Красавчик тут же сделал приглашающий жест «следуйте за мной», и через каких-то пятнадцать минут мы уже сидели в крошечном белоснежном самолетике, в креслах, расположенных вокруг общего столика, где нас уже ожидали высокие бокалы свежавыжатого сока из тропических фруктов с кусочками льда.

– Прошу вас, устраивайтесь поудобнее, располагайтесь, – все с той же ослепительной улыбкой произнес Рольф, первым усаживаясь в одно из кресел. – Полтора часа полета – и мы будем на месте.

Тут он развернулся ко мне, улыбнувшись, как доброму товарищу.

– Извиняюсь, я не знал, что с тетей Джуди и дядей Питером будет русский друг, мой ровесник, а потому подготовил лишь сок, на их вкус. Если вы желаете чего-либо еще – только скажите! Пива, вина... Или русской водки?

Он даже подмигнул, на что мне только и оставалось, что весело расхохотаться и отдать предпочтение простому фруктовому соку, который пили все присутствующие. Тут слово взяла, по своему обыкновению, славная Джуди.

– Мои дорогие мальчики, я до сих пор не могу поверить, что вот-вот сбудется моя мечта и я увижу настоящую Африку, про которую столько читала в детстве: слоны, львы, обезьяны...

Рольф лукаво погрозил тете пальчиком.

– Осторожно, тетя Джуди, совсем ни к чему вам с первых же шагов встречаться нос к носу с реальным львом! – тут он подмигнул мне. – Лично я предпочитаю древность – все эти раскопки, древние амулеты... Да и изделия современных мастеров многого стоят! Кстати, от души советую вам, Ален, посетить сегодня католический храм в Аруше – лично я непременно постараюсь это сделать. По исповеданию я протестант, но католическую службу в честь Рождества сегодня непременно посещу.

Он оглядел всех нас торжественным взглядом.

– В Аруше есть знаменитый мастер, делающий статуэтки из эбонита, Джимми Нгума. Потрясающий талант! Гонорары у него достаточно высокие, но парень того стоит. Пару раз он делал мне статуэтки на заказ, и я очень доволен результатом – они стали украшением моей каирской коллекции. А на сегодня Джимми наметил нечто сенсационное: он преподнесет в дар храму свою совершенно потрясающую скульптуру, которую до того почти в течение месяца выставлял в своей студии и которую его поклонники прозвали Черная Мари. Удивительная Черная Мадонна!

Рольф в очередной раз ослепительно улыбнулся, неторопливо перекинув ногу на ногу, аккуратно расправив светлые брюки.

– Признаться, я и сам был бы рад приобрести Черную Мари за любые деньги, но Джимми твердо решил: она станет его даром церкви. Я его отлично понимаю и обеими руками за! Итак, сегодня перед рождественской службой состоится церемония дара. Тетя Джуди, если у меня будет свободное время, надеюсь, вы отвлечетесь от ваших львов и отправитесь в церковь вместе со мной?

Разумеется, тут уж Джуди, вынужденная так долго молчать, ожидая, пока выговорится ее племянник, не взяла – схватила – слово и теперь уж болтала без передышки. Она с восхищением согласилась участвовать в рождественской службе в храме и стать свидетельницей акта осуществления великолепного дара, тут же, без точек и запятых, вновь вернувшись к своим восторгам по части дивной дикой Танзании.

С восторгом сердечным славная женщина изливала на всех нас, мгновенно притихших и приунывших, информацию, которую, судя по всему, тщательно изучила перед поездкой во всевозможных туристических гидах и справочниках, а ее славный Питер по многолетней супружеской привычке беспрерывно кивал, подтверждая каждое слово. Я благодарил небеса, что этот полет длился лишь полтора часа, иначе точно не выдержал бы, добровольно катапультировавшись.

– Между прочим, мой дорогой Рольф, мы с Питером уже в курсе насчет Джимми и его таланта, о нем пишут все путеводители, ведь Джимми – это местная звезда, пусть у него европейское имя, на самом деле это коренной масаи, который чертовски одарен. Его произведения – из эбонита с вкраплениями золота, серебра, разных камней и даже бриллиантов. Потрясающе красивые работы – фигурки пантер и жирафов, а также множество скульптур, изображающих его красавицу жену. Она тоже из рода масаи, но у нее такое красивое оперное имя – Аида...

Можете смеяться надо мной, но к концу этого короткого полета у меня было четкое ощущение, что мои бедные уши начинали понемногу припухать. Когда мы вышли из самолета, пылко простившись в ослепительной пестроте толпы аэропорта, и бедняга Рольф повел свою родню на выход, я ощутил себя самым счастливым человеком на свете: отныне я мог наслаждаться тишиной (разумеется, относительной) и покоем.

Я поспешил в прямо противоположном от британцев направлении, едва не прыгая от ощущения свободы, покуда меня не остановил самый родной и любимый голос, раздавшийся за спиной:

– Интересно, куда это ты так рванул, Ален?..

Я обернулся. Передо мной стояла, смеясь и покачивая головой, лучшая мама на земле, протягивая руки для объятий:

– Быть может, для начала обнимешь свою маму?

Мы крепко обнялись. Вот теперь можно было сказать, что я – самый счастливый человек на всем белом и черном свете!

Глава 5

Лучшая мама на свете

Моя милая, милая мама – волосы с легкой проседью, небрежно заколотые на затылке, черные очки на загорелом лице, футболка и джинсовые бриджи. Сколько лет прошло, а она была все той же – молодой и прекрасной девчонкой, для которой каждый раз было проблемой надеть что-нибудь «приличное» на выпускной студентов, потому как она по жизни считала джинсы лучшей одеждой всех времен и народов.

Вот и сейчас мама предстала передо мной в своей обычной ипостаси. Она одобрительно кивнула, глядя на мой скромный рюкзачок, в который я первым делом по прилете сунул свои зимнюю куртку и свитер (кстати сказать, к этому моменту я уже плавился и плавал в своих чересчур теплых для Африки зимних брюках), и лихо прыгнула за руль раздолбанного джипа без верха.

– Ты весь в меня, дорогой Алюша! Минимум багажа. Конечно, одет ты не для жаркой Африки, но это дело поправимое. У меня дома полно всевозможных шортиков, маечек и тапочек.

Я сдержанно усмехнулся.

– Заранее благодарю, но, дорогая мамуля, я предпочитаю носить мужскую одежду. У вас тут тоже должны быть магазинчики...

Меня прервал веселый мамин смех.

– Ах, сынуля! Неужели ты подумал, что я предлагаю тебе донашивать мои собственные портки? Нет, мой дорогой. Дело в том, что я – женщина, вполне живая и симпатичная, а потому вот уже энное количество лет живу в гражданском браке с местным немцем по имени Томас Шнайлер, для своих – добрый славный Томми, владельцем кофейной фермы под названием «Кофейный рай». Мы с Томми живем на два дома – то в моей квартире в Аруше, то в его «Кофейном рае», что в двадцати минутах езды от города. Периодически мы проводим романтические ночи в Серенгети, в домике, вокруг которого по ночам слоняются львы, шакалы и прочие хищники. Не представляешь, сколько в этом острых ощущений!

И мама, видя мое слегка сконфуженное лицо, вновь весело расхохоталась, одной рукой потрепав меня по загривку.

– Ах, мой дорогой Алюша, как здорово, что ты решил прилететь, и как же я рада тебя видеть!

Вокруг нас сиял и отчаянно пестрел всеми цветами радуги город, дорогу переходили черные, как уголь, люди в самых фантастических нарядах, которые увидишь разве что на новогодней елке, а рядом со мной улыбалась моя дорогая мама. Что ж, можно сказать, впереди у меня был один из самых фантастических праздников Рождества, когда сбываются все самые невероятные, загаданные желания и мечты.

Мамины апартаменты располагались в трехэтажном ярко-розовом домике на улице, состоящей из целой компании таких же симпатичных крох-домиков, раскрашенных каждый в свой цвет. Весело поприветствовав крупную черную даму в пестром сарафанчике, что стояла у подъезда, мама без малейшей паузы представила ей меня как сына Алена, а ее мне – просто как «мамми». Мамми немедленно расплылась в улыбке и потрепала меня по щеке:

– Рада познакомиться.

Разумеется, я тоже был рад, но с облегчением поспешил вслед за неугомонной мамой дальше, взлетел на третий этаж, шагнул с ней за ярко-красную дверь ее квартиры и с неимоверным облегчением рухнул в просторной гостиной на мягкий диван в черно-желтую полоску. Признаться, все это изобилие красок начинало меня понемногу утомлять.

– Бедняжка, – покачала головой мама, глядя на меня. – Сейчас ты напомнил мне меня саму несколько лет тому назад, когда я впервые сюда приехала. Отличие лишь в том, что тогда, с самых первых шагов, я не встретила здесь ни одного белого человека, ведь меня даже встречал Абаси – мой бывший студент, отличник и умница, чернее черной ночи!

И мама вновь весело расхохоталась. Я, ощущая легкое головокружение, только и смог вяло усмехнуться ей в ответ.

– А ты, мамуля, стала настоящей африканкой – так же, как они, постоянно хохочешь, как будто на свете нет человека счастливее тебя.

– А разве это не так? – вздернула бровь мама. – Запомни, дорогой, местные законы бытия: стиль жизни – «Поле-поле» (никогда никуда не торопись!) и «Акуна матата!» (нет проблем). Разве плохо?

Она подмигнула, вновь весело расхохоталась и исчезла в кухне, немедленно загремев посудой.

– Сейчас я угощу тебя нашим любимым с Томми блюдом, – послышался ее жизнерадостный голос. – Называется ньяма-на-ндизи – говядина, тушенная с бананами. Потрясающая штука! В процессе тушения лично я добавляю кокосовое молоко. Такая вкуснятина!

Я слушал родной голос и, ощущая легкую отстраненность от собственного тела, осматривал комнату.

Повторюсь: это была гостиная, и здесь сразу же бросался в глаза все тот же яркий африканский стиль: пестрые дорожки на светлом полу, золотисто-желтые стены и потолок, легкие занавески на окнах, естественно, в пеструю полоску, диван и пара объемистых кресел кофейного цвета под кричащими ярко-малиновыми накидками в клетку, журнальный столик с ворохом цветных газет, лампа под ослепительно-изумрудным абажуром и книжный шкаф, заполненный разноцветными корешками множества книг.

Я устало прикрыл глаза и улыбнулся. «Выучу местный язык, – вяло текли в голове мысли, – открою магазинчик «Садов» и буду хохотать с утра до ночи, наторговывая косметикой себе на плوشку ужина к вечеру. Напишу Соне письмо, что-нибудь в том роде, что, если реально любишь меня, приезжай на постоянное место жительства в Танзанию. Нет – я и без тебя найду здесь с десяток замечательных и кругленьких, как пончик, мамми...»

– Алюшка, идем обедать! – раздался мамин бодрый голос.

Я вздохнул, улыбнулся и направился в кухню – на свой первый танзанийский обед в маминой компании.

Мы чудесно пообедали: я по достоинству оценил колоритную кухню и с интересом выслушал от мамы мини-лекцию на тему «Краткий ликбез по Танзании» – все вперемежку с местными анекдотами и кулинарными рецептами.

– Ты, мой дорогой, приехал как нельзя кстати, как говорится, с корабля на бал, – бойко уплетая свою порцию, рассказывала мама. – Признаться, даже не остается времени тебе на передышку, ведь сегодня – сочельник, и, как тебе известно, завтра – католическое Рождество. Между тем, к твоему сведению, в Танзании среди населения самый большой процент верующих относится именно к католикам. Плюс к тому на ферме Томми как раз завершена уборка урожая кофе – твоего любимейшего, если не ошибаюсь, напитка?.. Так вот, по этим двум замечательным поводам праздничная программа начинается сегодня ближе к полуночи, сразу после службы в церкви, куда мы дружно отправляемся к десяти часам вечера. После рождественской службы возвращаемся на ферму, где нас будет ждать большой праздник.

Тут мама в очередной раз весело рассмеялась, подмигнув мне.

– Надо тебе сказать, все работники фермы Томми – из местных масаи. Если углубляться в историю, то стоит отметить, что на протяжении веков масаи были скотоводами, которым в начале мира боги даровали скот и благословили на вечное путешествие по про-

сторам Африки. Но, если честно, современные масаи в общем и целом по жизни – попросту бездельники. Впрочем, к нашим это не относится: Томми тщательно отбирает своих работников, так что у него на ферме работают порядка тридцати вполне порядочных тружеников, целые семьи. Наши парни и порадуют нас сегодня всеми своими национальными плясками – так называемыми нгома. Переводится как «барабан»: танец идет под завораживающий барабанный ритм, так и хочется вскочить и присоединиться! А песни! Ты никогда не слышал песен масаи? Это что-то! Словом, будет очень интересно. Разумеется, придут все наши друзья-приятели, а также соседи.

Короткая пауза, и мама, заботливо подложив мне добавочную порцию своего дивного блюда под труднопроизносимым названием «нъяма-на-ндизи», широко улыбнулась и продолжила свой рассказ:

– Думаю, стоит тебя хотя бы по минимуму ввести в курс дела и по части сегодняшнего события в церкви. – Она откинулась на спинку стула. – Думаю, ты помнишь, что я всю жизнь была законченной атеисткой-безбожницей, но Танзания меня чуток поправила: на пару с моим католиком Томми я регулярно посещаю храм и каждый раз получаю от этого большое удовольствие...

Давно я не слышал маминого голоса! На радостях она так торопилась сообщить мне все свои новости, выразить все эмоции, что ей не хватало дыхания, и тогда она делала короткие паузы. Ну а я поглощал свою порцию и внимал – как сказала бы баба Варя, «а Васька слушает, да ест».

– Как я тебе уже говорила, сегодня мы все дружно отправимся в католический храм на рождественскую службу. Городская церквушка небольшая, но очень симпатичная и уютная, я по возможности люблю туда забежать даже без повода, чтобы просто пару минут посидеть и привести свои мысли в порядок. Поверь мне на слово: посидишь вот так, и все проблемы тут же сами собой решаются, головная боль исчезает, и мир вновь сияет всеми красками. Так вот, сегодня, в сочельник, в храме намечается знаменательное событие. Местная знаменитость – талантливый художник Джимми Нгума – преподнесет в дар собственное произведение – миниатюрную скульптуру Девы Марии. Разумеется, черной.

Тут уж и я вставил свое слово.

– Описание данного мероприятия, дорогая мама, можешь смело опустить: про вашего Джимми и его бесценный дар я уже наслышан – сегодня по пути в Арушу мне про это все уши прожужжали.

Мама радостно кивнула.

– Вот видишь! Говорю тебе, Джимми – настоящая звезда. Признаться, я сама давно мечтаю приобрести что-нибудь из его произведений – он делает скульптуры из эбонита. Потрясающие линии, некая аура у каждой его скульптуры, будь то фигура человека или жирафа. Так вот, его Черная Мари, по отзывам всех очевидцев, включая меня, настоящий шедевр, совершенная красота. В течение почти целого месяца Джимми выставлял Черную Мари в своей студии, и каждый желающий мог прийти и посмотреть на это чудо. Хочу особенно отметить, что это недешевое произведение: фигурка – из эбонита, глаза – вкрапления дорожущего танзанита (его еще называют голубым алмазом), звездочки бриллиантов по волосам, плюс по всей статуэтке – вкрапления золота, нефрита и бог знает каких еще камней.

Мама перевела дух.

– Итак, сегодня Джимми преподнесет Черную Мари в дар храму. Местные журналисты уже окрестили это событие как «Дары волхвов». Кюре тут же совершит службу, освящая этот дар, после чего с Черной Мадонной проведет всю праздничную литургию. После этого мы выпьем красненького и – на ферму, где для нас будут петь и плясать наши славные ребята. О праздничной программе я тебе уже доложила, осталось добавить лишь, что Томми организует для нас дивный барбекю и прочие радости – он знатный повар!

К этому моменту я умял свою добавочную порцию, парой хлопков «поаплодировал» маминой речи и попросил добавки. Мама с гордостью подмигнула и в очередной раз радостно рассмеялась.

– Понравилось? То-то! Знай наших...

В моей тарелке благоухала очередная, третья порция, а мама вдохновенно продолжала свой рассказ:

– Кстати сказать, помимо культурно-этнических радостей на этом празднике мой Томми порадует всех нас уникальным блюдом. Название и рецепт потом запишу тебе в отдельный блокнот, на слух оно вполне внятное для твоего европейского уха: даклинг дар-эс-салам. Это дивная утка, тушенная в кокосовом молоке с рисом и приправами, в которых, кстати сказать, превалирует индийское карри – здесь его тоже очень уважают. В качестве спиртного позволю тебе испить местного, вполне сносного пива и совсем чуть-чуть того, что покрепче: кьянги, местный самогон. Хотя вообще-то заранее советую тебе спиртным не злоупотреблять – все-таки Африка, жаркое солнышко, знаешь ли, знойные нравы. Лучше не рисковать!

Очередной взрыв смеха, и мама поставила грязную посуду в раковину, тут же принявшись священнодействовать с кофе. Стоило ей открыть пеструю металлическую баночку, как божественный аромат в одно мгновение заполнил всю кухню, все пространство вокруг нас...

Я едва не задохнулся от восторга: да уж, что ни говори, в Танзанию мне стоило прилететь хотя бы ради того, чтобы попробовать кофе, выращенный и собранный тут же, в двух шагах от тебя, и у тебя на глазах обжаренный. Как говорится, свеженький кофе, только что с куста!

– Вот это аромат, настоящий кофе! – озвучил я собственные мысли. – Только что с куста, свежайший!

Разумеется, мама в ответ по своей танзанийской традиции в очередной раз жизнеутверждающе рассмеялась.

– Алюшка, а вот тут ты прокололся! Знай, мой дорогой: кофе должен пройти длительный процесс переработки, прежде чем станет по-настоящему ароматным. Введу тебя в курс дела: чем дольше кофейные зерна выдержаны, тем их аромат насыщеннее и вкуснее, как вино! Главное – знать тонкости хранения. Кофе, который мы сейчас с тобой распиваем, выдержан два года в кладовых Томми. Что касается нового урожая, то он сейчас проходит все необходимые процессы – сушки-обмывки-прожарки. Да уж, что ни говори, а кофе в Африке такой, какой вам в Европе и не снился! Пей и радуйся жизни.

Я оживал на глазах: пил кофе, начиная реально наслаждаться яркими красками вокруг, гомоном птиц, автомобильными гудками, голосами и даже песнями за окном, летним теплом и божественным ароматом кофе. В конце концов вся моя усталость от пестроты и шума куда-то ушла, я глубоко вздохнул, и на мгновение мне даже показалось, что я попал в самую настоящую сказку, где и среди зимы вполне может наступить лето, если реально захотеть.

Мама неторопливо потягивала свой кофе, сидя напротив меня, и вся буквально улыбалась.

– Мой дорогой Ален, – произнесла она, покачивая головой. – Повторю тебе в сотый раз: я безумно рада тебя видеть, потому что люблю тебя всем сердцем! Господи, еще, кажется, вчера ты был славным мальчишкой, и вот передо мной – вполне взрослый мужчина. И это – мой сын! Невероятно, но – факт. А теперь давай от восторгов нашей встречи перейдем к делам насущным.

Она даже попыталась строго свести брови к переносице.

– Итак, о сегодняшних наших планах я тебе в общем и целом рассказала. Теперь – насчет ближайших часов. Мы с тобой пообедали. Сейчас я предложу тебе на выбор целый

гардероб шорт и бриджей, после чего приглашаю на прогулку по Аруше. Это удивительно симпатичный городок, который, кстати сказать, называют...

– ...Дар-эс-Сафари по аналогу с Дар-эс-Саламом, – прервал маму я.

Она кивнула.

– А еще его называют африканской Женевой, потому что здесь масса всевозможных миссий и концессий, в Аруше происходят события международного масштаба и решаются дела целого континента. Ну а так как ты, мой дорогой, повторюсь, прилетел в самый разгар праздников, нам с тобой и карты в руки. Сейчас мы отправимся в квартал местной богемы, чтобы ощутить весь местный колорит и прелесть. Заодно я познакомлю тебя с нашим знаменитым Джимми, который будет сегодня на службе главным героем дня. Так что собирайся!

Глядя на энтузиазм дорогой мамы, я невольно вздохнул.

– Надеюсь, я все это выдержу! Честно сказать, от местной пестроты у меня в глазах слегка рябит! Думаю, ты могла бы подарить мне для начала банальные черные очки. Чтобы я просто-напросто не ослеп от вашей пестроты.

Очередной взрыв смеха, и мы направились в гардеробную, где без труда подобрали мне светлые бриджи, майку и великолепные черные очки вполлица. Я переоделся, в одно мгновение ощутил невиданный прилив сил, и мы с мамой отправились на нашу первую совместную прогулку по солнечной Аруше.

Глава 6

Прогулки по Аруше

Не зря говорится, что человек привыкает ко всему. Прошло совсем немного времени, какие-то считанные часы, а я уже вполне адаптировался к пестроте красок вокруг, к шуму и гаму и к преобладанию черной расы кругом: черные мальчишки гоняли в футбол во дворе маминого дома, тут же черная матрона развешивала белье, весело распевая что-то из африканских народных песен, черный дядька сел на черный мотоцикл и с грохотом вылетел на оживленную дорогу, начинавшуюся за углом дома, куда вышли неторопливым прогулочным шагом и мы с мамой.

– Повторюсь, мой дорогой, тебе во всем везет с самого детства, – подхватив меня под руку, рассказывала мама, то и дело приветственно кивая черному встречному люду. – Сейчас тебе, в частности, повезло в том, что я как раз взяла отпуск на пару недель. Иначе ты меня бы не увидел: дни и ночи я провожу в Серенгети, в основном с несчастными слониками.

Я вполуха слушал маму, почти зачарованно глядя по сторонам: необычайно яркие витрины магазинчиков, разноцветные домики, изумрудные пальмы, самые невероятные наряды и головные уборы горланящего народа и белоснежно ослепительные, от уха до уха улыбки на лицах.

– Ты не представляешь, Ален, последние годы это стало почти национальной трагедией: знаменитые на весь мир племена масаи, всю жизнь кочующие по африканской саванне и обитающие с ней в мире и согласии, вдруг принялись уничтожать родную природу и, в частности, слонов. И всего-то из-за их бивней! Дело в том, что к нам прибывают разные отвратительные личности, скупающие все это за относительно небольшие деньги. Ничто не ново под луной: как всегда, деньги правят бал. Но ты только представь себе, что ощущаешь при виде огромной мертвой слонихи и жалобно жмущегося к ее трупку слоненка!

Мама вздохнула, поправив свои черные очки.

– Вот этих несчастных слоников мы и берем в парке Серенгети под свою опеку. За каждым слоником закреплен волонтер, чтобы опекать его едва ли не круглые сутки, а особенно – ночью. Представь себе: бедные сироты так же, как и мы, люди, видят кошмары во сне! Очевидно, им снова и снова снится, как на их глазах убивают маму.

Я чуть крепче сжал мамин локоток.

– Мамуль, давай не будем о грустном. Уверен, вы не оставите малышей-слоников и все сделаете, чтобы оздоровить обстановку. Сегодня сочельник, мы с тобой увиделись впервые за сто лет – давай не будем травить душу, поболтаем о чем-нибудь простом и мирном.

– Понятно, – вздохнула мама, с улыбкой покачав головой. – Так же, как ты, рассуждает полмира, не желая забивать свою голову проблемами. А ведь это чья-то жизнь!.. Ну ладно, – она решительно махнула рукой, – тогда побуду для тебя гидом. Итак, сейчас мы с тобой идем по симпатичной улочке Сомали; еще пара шагов – и свернем на центральный рынок города, где в принципе покупать нам ничего не надо, у нас все заранее закуплено и готово к празднику – просто тебе будет интересно понаблюдать колоритный процесс местной торговли. Ну а потом пройдемся в район Часовой башни – там все улочки усеяны магазинчиками с потрясающими местными сувенирами, выберем что-нибудь по твоему желанию и навестим салон Джимми. Там же, кстати, я куплю тебе в подарок дивную статуэтку жирафа – на память о Танзании.

Я хмыкнул.

– Такое впечатление, дорогая мамуля, что ты собираешься завтра же проводить меня назад, домой.

Она в ответ весело рассмеялась.

– Не дожدهшься! Просто я слишком хорошо тебя знаю: пара дней – и ты ринешься назад, в свою драгоценную Европу к своей драгоценной Соне. Так что сувениры на память лучше прикупить тебе заранее. Кроме того, это станет частью нашей интереснейшей экскурсии. Разве не так?

А это действительно было на редкость интересно. Едва мы очутились на, кажется, еще более ярком и пестром рынке, чем все виденное ранее, как я ощутил себя то ли в удивительной восточной сказке, то ли на съемках оной где-нибудь в Голливуде. Бесконечные ряды прилавков были заставлены гигантскими связками зеленых бананов, корзинками с золотистыми ананасами, коробками кокосов и прочими, совершенно незнакомыми мне экзотическими плодами; ослепительно-черные продавцы гортанно не говорили – пропевали свои реплики, бойко жестикулируя черными руками, прищелкивая черными длинными пальцами, и при этом на их черных гладких лицах сверкали неправдоподобно белозубые улыбки.

– Просто обожаю этот рынок, – рассмеялась, наблюдая за мной, мама. – Здесь можно купить все, что угодно, даже верхний клык гиены и глаз тигра, если вдруг захочешь пошаманить!

Легко догадаться, что шаманить я не испытывал никакого желания, а потому в конце концов, насмотревшись на чудеса заморские до головокружения, потянул маму в богемный квартал – за подарками к Рождеству.

Этот небольшой симпатичный кварталчик вполне подходил под определение «богемный», разумеется, с африканским акцентом. И здесь во всем правили бал яркие краски и безудержная радость бытия: между выставленными вдоль улицы столиками и стендами со всевозможными фигурками, картинами, тамтамами и прочими национальными побрякушками весело тусовались представители самых разных народностей, бойко торгуясь, пританцовывая, напевая, хохоча и абсолютно счастливо улыбаясь.

– Смотри-ка, и наш полковник здесь – занимается оптовыми закупками местной экзотики, – вдруг прошептала мама мне на ухо.

Я проследил за ее взглядом: перед столиками с бесконечными рядами эбонитовых слонов и жирафов стоял абсолютно круглый толстяк иссиня-черного цвета в белоснежных штанах и столь же белоснежной рубашке. Его фигура вызвала у меня интересную ассоциацию. Представьте себе густой разогретый шоколад, капнувший с ложки на стол – вот эта жирная «капля» и стояла перед сувенирами, пялясь на них выпученными глазами.

Между тем мама продолжала снабжать меня информацией.

– Тебе выпала уникальная возможность увидеть, можно сказать, своего соседа. Дело в том, что этот полковник – понятия не имею, почему Томми так его называет, – прибыл к нам два дня назад и оплатил комнату на втором этаже – она расположена прямо над твоей. Накануне позвонил хороший приятель Томми из Брюсселя и попросил об одолжении: предоставить комнату буквально на недельку некоему богатенькому буратино. Дескать, вполне приличный тип, у которого по всей Европе множество магазинчиков с экзотическими товарами. Вот он и в Танзанию прибыл для закупки самых дешевых фигурок, которые в своих магазинчиках продаст отнюдь не задешево. Вообще-то я уверена, что остановился он в каком-нибудь роскошном отеле Аруши, а у нас забил комнату, просто чтобы сегодня поучаствовать в вечеринке с этническим оттенком и поснимать танцы масаи на видеокамеру.

Мама с улыбкой наблюдала, как толстяк-полковник, что-то несвязно мыча, пальцем тычет в направлении той или иной фигурки, а счастливый продавец тут же выставляет ее перед ним.

– Так вот, представь себе, мой дорогой: за эти два дня мы с Томми видели полковника только один раз – когда он прибыл к нам, представился и оплатил комнату. Все! После этого он уселся в свою роскошную тачку и укатил в неизвестном направлении. Правда, Томми

уверял меня, что он возвратился среди ночи, а поутру вновь свалил, но лично я ничего такого не слышала. Совершенно непонятно, для чего ему потребовалось оплатить комнату. Собственно говоря, он вполне мог получить от нас приглашение на праздник и явиться, арендовав для этого такси туда-обратно – это при условии, что он намеревается смертельно напиться у нас на гулянке.

Я только пожал плечами: кто поймет загадочную душу богатенького буратино? Как бы там ни было, а парень щедро заплатил за комнату, в которой не живет. Как говорится, у каждого тенора – свой каприз.

Глава 7

Труп в студии

Между тем, пока мы наблюдали за полковником, нас и самих стали хватать за локотки бойкие творцы, стараясь притянуть к собственным нетленными шедеврам, но моя опытная и искушенная в африканском маркетинге маман, легко и непринужденно отрываясь от творцов, напролом повела меня к заветной дверце магазинчика под яркой вывеской, написанной словно бы от руки, легко и небрежно: «Jimmy».

Только когда мы с ней оказались за стеклянной дверцей, в относительно тихом и прохладном зале, среди стеллажей, заставленных черными изящными статуэтками, она обернулась ко мне и выдохнула:

– Мы на месте. Ну, как тебе эта красота?

Я огляделся. Хотите верьте, хотите нет, но в творениях этого Джимми действительно было нечто. Словно замороженный я обошел зал по кругу три раза, зачарованно разглядывая черные, гладкие, безупречные фигуры неведомых мне богинь, которые, казалось, были одновременно женщинами и ветром, вместе с порывами которого улетали ввысь, взметнув руки; женщинами и удивительными цветками, из чьих изящных лепестков складывались безупречные черные тела.

Ознакомившись с творениями Джимми в первом зале, я сделал вывод: его коньком были не фигурки жирафов и слонов, коими пестрел местный рынок, но именно необычные статуэтки женщин – длинноногих и изящных, с невероятными изгибами совершенных тел. Неудивительно, что именно Джимми создал статуэтку Черной Мари для местной церкви!

– Замечательно, правда? – негромко проговорила мама, с улыбкой качнув головой, и тут же потянула меня за рукав в следующий зал. – Идем скорее! В этом зале – совершенно уникальная экспозиция: очень симпатичные миниатюры, главным образом на библейские темы. Видишь – Самсон в объятиях коварной Далилы, Иосиф и его братья, танец Саломеи... Здесь даже есть сценка из Евангелия на тему сегодняшнего дня – «Дары волхвов».

Во втором зале действительно преобладали миниатюры все из того же эбонита в основном, как отметила мама, на библейскую тематику; кроме классических сюжетов были и самые простые сценки: женщины с детьми, охотники на львов с воинственно поднятыми копьями и все в том же роде.

Здесь, в отличие от первого зала, не было ни одного окна, царствовал мягкий полумрак, и потому я не сразу заметил еще одного посетителя: перед статуей почтенной матроны, держащей за рог могучего быка, неподвижно замерла дама в черном экзотическом прикиде, закрывавшем ее всю – с ног до макушки.

– Довольно редкий для сегодняшнего дня пример бурки, – прошептала мне на ухо мама, держась подальше от черной женщины. – Бурка – так называется головной убор для женщин: все закрыто, только две щелки для глаз; к ней прилагается черный балахон до пят – абая. К счастью, Африка освобождается, и сейчас не так часто можно увидеть женщин в бурке, по большей части в глухой провинции. А ведь еще совсем недавно кофейные плантации здесь называли «бурка», потому что на них работали только бесправные женщины в бурках.

Мама тут же поторопилась пройти в следующий зал, жестом предлагая и мне следовать за ней.

Третий зал оказался самым просторным и светлым, потому как одна его стена попросту отсутствовала – вместо нее был выход на зеленую террасу с большим деревянным столом и изящными шезлонгами вокруг него. За столом восседал колоритный молодой африканец в ярко-малиновой тоге, к которому как раз присоединился, появившись одновременно с нами

со стороны террасы, мелкий тщедушный парнишка, одетый во все черное, а оттого словно сливающийся в сплошное черное пятно.

– Моша, наконец-то! – всплеснул руками колоритный парень. – Скажи мне, где ты пропадал столько времени?

– Меня не было не больше получаса, – сдержанно ответил Моша, пожал плечами и уселся за стол.

И вот тут я стал свидетелем великого авторитета моей мамы среди продвинутой части африканской молодежи. Едва обменявшись с Мошей парой фраз, Джимми развернулся и, увидев нас с мамой, немедленно вскочил, горячо взмахнув обеими руками, и чуть ли не с поклонами кинулся пожимать и трести руки моей спутницы.

– О, как приятно вас видеть, миссис Петрухин! Поздравляю с наступающим Рождеством, сочельником! Надеюсь увидеть вас с мистером Шнайлером вечером в храме, вы ведь в курсе?..

– Конечно, Джимми, – лукаво подмигнула мама. – «Дары волхвов»!

– Точно! «Дары волхвов»...

Разумеется, все – даже я! – давно были в курсе намечающегося мероприятия под условным названием «Дары волхвов»: славный Джимми преподнесет на Рождество в дар храму свою Черную Мари. Потому и мама широко улыбалась, и сам Джимми в предвкушении весь сиял. Ответно пожав Джимми лапку, мама заверила, что все непременно будут в храме и станут свидетелями важного для всей общины Аруши события. После этого она чуть развернулась ко мне, торжественным жестом представляя нас друг другу.

– Я хотела бы, Джимми, представить тебе моего сына Алена, который специально прилетел к нам на Рождество из России. Ален, – жест в сторону ослепительно улыбнувшегося мне белыми зубками парня, – Джимми Нгума, великий художник, я тебе о нем уже рассказывала... Познакомьтесь.

Мы пару минут восторженно трясли друг другу руки и скалились как можно более широко и лучезарно, в то время как темный товарищ Джимми наблюдал за нами со слегка кривоватой ухмылкой, пока наконец его босс не вспомнил о нем, поспешив познакомить нас.

– О, извиняюсь, чуть не забыл! Позвольте мне представить вам моего ученика, очень, очень талантливого художника, который, боюсь, скоро может стать мне серьезным конкурентом, – Моша Мьянги...

Разумеется, тут уж парень перестал ухмыляться и поспешил в свою очередь потрясти мне руку с широчайшей улыбкой. Я не удержался и, следуя всеобщему настроению, произнес единственную известную мне на суахили фразу, которой сегодня научила меня мама:

– Акуна матата!

Это надо было видеть: едва я произнес сей классический африканский пароль, как оба парня едва ли не покатались со смеху, хлопая себя по коленкам, а меня – по плечу и повторяя вслед за мной с восторженным подвизгиванием: «Nakuna matata! Bravo! Nakuna matata!»

– Дорогой мой, извиняюсь, но с этой избитой фразой ты – как забавная мартышка для ребят, – очаровательно улыбаясь, негромко проговорила мама по-русски. – Думаю, повеселились – и будет. А теперь я предлагаю тебе раскланяться и...

В этот самый момент произошло нечто. Сначала откуда-то со стороны входа донеслись стук двери, топот и тут же – отчаянный крик, стон и вновь – отдаленный звук захлопнувшейся двери. Почти сразу в проеме арки, через которую только что вошли в зал мы, появился черный парень с выпученными глазами и вытянутыми вперед длинными руками. Парень отчаянно хрипел, открывая и закрывая рот, точно пробежал дистанцию спартанского марафона, и с потрясающей скоростью переводил отчаянный взгляд с одного из нас на другого.

В одно мгновение все мы замерли, парализованные этим странным зрелищем; смех стих, широкие улыбки на лицах превратились в оскалы. Я всматривался в лицо черного

мученика, и мне отчего-то особенно жуткой казалась ослепительная белизна белков его выпученных глаз.

Первой пришла в себя моя мама: она решительно подошла и обхватила плечи парня, который тут же вцепился в нее своими руками, столь похожими на когти некоего мифического грифона.

– Нгала, что с тобой? – Голос мамы звучал нарочито спокойно и требовательно. – Говори, ничего не бойся. Что с тобой?

Разумеется, как и все фразы, исключая наши мамины беседы тет-а-тет, данная прозвучала по-английски. Парень, слушая спокойный мамин голос, смотрел на нее, как на великую спасительницу.

– Я хотел... Я хотел... Помогите!.. Рука...

Казалось, еще немного, и он наконец сможет все как следует изложить, объяснить конкретно, чего именно он хотел и при чем тут некая рука. Вместо этого парень неожиданно замер, судорожно дернулся, чуть откинулся назад и тут же повалился на маму всем своим длинным костистым телом.

Можете представить, какой тут начался ералаш?! Талантливый ученик Джимми отчаянно завизжал, словно перепуганная барышня. Под его визг я бросился маме на помощь, отцепляя от нее когти парня, подхватывая его и осторожно опуская на пол. При этом Джимми ухал, как филин, взмахивал руками-крыльями и прыгал вокруг нас, ни грамма не помогая, а скорее мешая своими прыжками.

Как только Нгала оказался лежащим на полу – на животе, с широко раскинутыми руками, – все стало предельно ясно: перед нами лежал готовый труп. На спине, с левой стороны, примерно в области сердца, красовалась широкая рана, из которой кровь едва ли не фонтанировала.

– О, боже мой, что это? – потрясенно вскрикнул Джимми.

Вместо ответа я кинулся к выходу. Махом проскочив оба зала, выскочил на все так же весело и беспечно бурлящую улицу и огляделся. Разумеется, нечего было надеяться, что я увижу удаляющегося убийцу с огромным ножом в руках: пока мама пыталась успокоить парня, пока он падал, пока мы укладывали его на пол, виновный спокойно мог исчезнуть в обоих направлениях заполненной народом улицы. И все-таки стоило бросить взгляд – для очистки совести.

Я вздохнул и вновь развернулся к двери. Тут произошел еще один инцидент. Едва я повернулся, как передо мной, у двери, неизвестно откуда нарисовался экзотический черный дедок. Седая голова со множеством виртуозно сплетенных косичек, украшенная убором из пестрых лоскутов и полосок ткани, расшитых бисером, тога с яркими вышивками тем же бисером и богатая коллекция ярких погремушек в растянутых до плеч мочках ушей, на груди и на обеих руках – все это красовалось передо мной, невольно заставив изумленно открыть рот.

Пару секунд дед наблюдал мое изумление круглыми глазищами с желтоватыми белками. Насмотревшись, он проговорил коротко и грозно «Дорогу!», осторожно отодвинул меня в сторону и первым прошел в студию. Ощукая себя участником некоего не совсем понятного представления, я направился вслед за ним; мы напрямую прошли оба зала и вошли в третий, где в самом центре лежал, раскинув руки, мертвый парень, а мама пыталась успокоить талантливого ученика Джимми: судя по всему, Моша был на грани истерики.

Шагнув в зал, старик без малейшей паузы направился к телу, обошел вокруг него и замер у головы, воинственно подняв руку вверх.

– Нгала, ты больше не смеешься? Теперь Акида смеется над тобой!

Скрипучий резкий голос прозвучал как впечатляющее завершение жутковатой сцены: почти тут же, казалось бы, уже умерший парень вдруг неожиданно чуть приподнял голову, дернулся и замер – теперь уже, надо думать, навеки.

– Умер, – констатировал очевидное потрясенный Джимми и торопливо перекрестился трясущейся рукой.

Грозно нахмурившись при виде этого чисто христианского жеста, зловещий Акида издал странный звук, похожий на рычание, развернулся и широким шагом в гневе покинул помещение.

Несколько секунд в зале стояла почти звенящая тишина. Как всегда, первой пришла в себя моя мудрая и разумно мыслящая мама. Она глубоко вздохнула и развернулась к Джимми, который так и стоял, потрясенно пялясь на тело, точно не имел ни малейшего представления, что делать дальше.

– Джимми, немедленно закрой дверь в студию и вызывай полицию! – Голос мамы звучал на удивление размеренно и спокойно. – Моша, успокойся и перестань трястись, все самое страшное уже произошло – мы стали едва ли не свидетелями убийства. Полагаю, все должно оставаться как есть, поэтому нам всем лучше расположиться за столом и ждать полицию.

Тут, наконец, мама развернулась ко мне и даже попыталась улыбнуться.

– Ну что, я все правильно говорю, комиссар Мегрэ-Петрухин?

Глава 8

Знакомство с полицией

По прибытии на место преступления доблестной танзанийской полиции я на какое-то время вновь ощутил себя забавной белой мартышкой, за которой с любопытством наблюдают нормальные черные люди.

Как только Джимми сообщил о трупе в участок, мы тихо и скромно перешли на зеленую террасу, устроившись за столиком, время от времени бросая осторожные взгляды на неподвижное черное тело посреди зала. Входные двери в студию Джимми поспешил закрыть по маминому совету, поставив у входа специально вызванного подростка-племянника – ожидать прибытия полиции.

Как только все мы расселись за столиком, появилась супруга Джимми, в мгновение ока организовав для нас чай – фирменный, танзанийский, с корицей и гвоздикой. При этом она точно так же, как до того ее супруг с учеником, бросила на меня любопытный взгляд, как на диковинное животное, и снисходительно улыбнулась:

– Полагаю, вы наш гость? Очень приятно! Хотя, конечно, это ужасное преступление в сочельник...

Надо заметить, эта самая Аида действительно оказалась настоящей красавицей. Я не расист и все-таки всю свою сознательную жизнь предпочитаю иметь дело с белокожими красавицами. И вот при первом же появлении Аиды у меня, что называется, в зобу дыхание сперло.

Представьте себе невысокую, тонкую, чрезвычайно изящную девушку, словно выточенную из эбонита, с копной буйных волос, небрежно заколотых на затылке, миниатюрный тонкий нос, разлет огромных черных глаз и слегка припухший чувственный рот. Она была одета вполне по-европейски, в просторные бледно-голубые джинсы и пеструю тунику, а острые коготки на холеных ручках были безупречно отточены и покрыты бледно-голубым лаком.

Безусловно, Аида привыкла едва ли не к поклонению, а потому мою слегка отвисшую челюсть приняла благосклонным кивком. Мне пришлось тут же попытаться скроить абсолютно равнодушную мину, прихлебывая чай и бросая якобы рассеянные взгляды по сторонам.

– ...Черт возьми, как здесь оказался этот бездельник?

Именно Аида первой начала разговор о трупе, едва все принялись угощаться чаем и фруктами из плетеной корзинки в центре стола. Произнеся слово «бездельник», она выразительно оттопырила нижнюю губу и слегка кивнула в направлении неподвижного тела.

Моя милая мама вежливо улыбнулась черной пантере.

– Дорогая Аида, бедняга Нгала был кем-то убит. Не советую тебе в присутствии полиции говорить о нем в таком тоне. Во-первых, полицейские вполне могут заподозрить, что ты его и прикончила. Во-вторых, это просто нехорошо, ведь парень умер.

Мама и красавица Аида с трудом друг друга переносили – это было видно невооруженным взглядом, как и то, что талантище Джимми от этого реально страдал, изо всех сил стараясь сохранить мир между уважаемой белой дамой и дорогой женошкой, которая, что было очевидно, успешно проводила в их семье политику единовластия.

– Давайте лучше подготовимся к вопросам полиции, – ослепительно улыбаясь во все стороны, проговорил он. – Мы все находились здесь, когда Нгала вошел. Значит, мы не могли его убить, это точно!

– Поздравляю, – вновь презрительно оттопырила губу Аида. – У вас замечательное алиби. А вот мне немного сложнее: я находилась наверху и была совершенно одна, так что никто не может подтвердить, что это не я зарезала беднягу Нгала.

И она, словно, наоборот, только что доказала собственную невиновность, воинственно скрестила на груди руки в звякнувших браслетах.

– Его убил лебон Акида, это же ясно, – негромко, но совершенно четко и внятно вдруг произнес сидевший до того тише мыши тщедушный Моша; при этом он поднял глаза и со значением обвел взглядом всех нас. – Мы все слышали, что он сказал, увидев тело. Он появился здесь буквально вслед за Нгала! Зачем? Кроме того, обратите внимание, какая рана на спине Нгала. Она попросту ужасна! Могу поспорить на что угодно: это след ритуального, изогнутого ножа – только он мог бы оставить такую ужасную рваную рану. Убийца лебон!

Несколько секунд стояла полная тишина, которую нарушил чуть дрогнувший голос Джимми:

– Точно! Боюсь, ты прав, Моша. Помните его слова: «Нгала, ты больше не смеешься? Теперь Акида смеется над тобой!» Все ясно: он отомстил за вечные насмешки Нгала: тот ведь при каждом удобном и неудобном случае любил посмеяться над колдовством Акиды!

Я наклонился к маме.

– Лебон – это типа колдун, я правильно понял?

Мама кивнула. В этот момент племянник Джимми ввел в зал полицейских, и наш обмен впечатлениями и размышлениями завершился.

Комиссар отдела преступлений полицейского управления Аруши Сарфараз Мбове мало чем отличался от большинства своих соплеменников, во всяком случае на мой, неопытный в африканском этносе, взгляд: чрезвычайно черный, чрезвычайно длинный и худой. Единственное, что выделяло его среди всех, – полицейская форма цвета хаки и черные очки едва ли не вполлица.

Он шагнул в зал и тут же с самым важным видом замер над телом несчастного Нгала. Внимательно рассмотрев труп с ног до головы, он небрежно кивнул фотографу и толстяку с чемоданчиком в руках: первый тут же принялся фотографировать тело со всех возможных ракурсов, после чего уступил место коллеге-медику, который начал тщательный осмотр по своей линии.

Между тем комиссар неторопливо приблизился к нашему столику и первым делом с величайшей подозрительностью уставился на меня. Еще бы – белый! Вот вам и лучший претендент на роль убийцы. Как хотите, но в тот момент я от души порадовался, припомнив реплику Джимми: «Мы все находились здесь, стало быть, на сто процентов невиновны в убийстве»!

Джимми, видимо, почувствовал напряжение и поспешил взять инициативу на себя, первым протянув полицейскому руку для пожатия.

– Добрый день, комиссар! Меня зовут Джимми Нгума, я – владелец этого салона. Все мы, кто сейчас сидит за столом, были здесь, когда появился этот парень – он почти сразу же упал и умер. Мы все потрясены.

Комиссар неторопливо пожал протянутую руку Джимми, кивнул и многозначительно улыбнулся.

– Вы могли бы и не представляться. Я не знаток искусства, но о вас слышан. Приятно познакомиться! Хотя повод не слишком приятный.

Он почти тут же убрал обе руки за спину и сурово обвел нас «взглядом» своих черных очков.

– Позвольте представиться мне: комиссар Сарфараз Мбове. Надеюсь, все понимают по-английски то, что я говорю?

При последней фразе он уставился на нас с мамой. Ответила мама.

– Разумеется, комиссар. Давайте сразу и мы представимся. Меня зовут Маргарита Петрухина, я работаю в парке Серенгети. Мой сын – Ален Муар-Петрухин, прилетел только сегодня ко мне на Рождество из России.

Тут мама с любезной улыбкой развернулась к Моше, который в свою очередь спокойно и размеренно назвал свое имя и статус: Моша Мьянги, ученик Джимми Нгума. После него слово взяла красавица Аида.

Для начала она ослепительно улыбнулась, от чего комиссар слегка съежился, облизав вмиг пересохшие губы. Удовлетворенная произведенным эффектом красавица произнесла громко и с ноткой вызова:

– Аида Нгума, жена Джимми. Увы, комиссар, у меня алиби нет: пока все тут падали в обморок из-за трупов, я находилась наверху – попросту валялась на диване. Так что можете смело меня арестовать.

И красавица эффектно протянула полицейскому обе руки, униженные всевозможными роскошными браслетами.

Мы все с невольным интересом наблюдали за реакцией полицейского, который поправил очки, откашлялся и произнес нарочито холодно:

– В настоящий момент я не собираюсь никого арестовывать. Сейчас у всех вас возьмут показания и запишут ваши координаты. Мои люди уже разговаривают с теми, кто находился неподалеку от входа в вашу студию – возможно, кто-то видел всех, кто сюда входил и выходил. В таком случае показания людей с улицы дадут мне больше, чем все ваши.

– Лебон, – неожиданно прервал комиссара тонкий голос Моши, и все невольно посмотрели на него, решительно сжавшего кулаки. – Тут еще был лебон Акида. Вернее, он неожиданно появился, когда Нгала уже умирал на полу. Акида остановился над телом и сказал, что теперь смеяться будет он.

Джимми многозначительно крикнул и подтверждающе закивал, развернувшись к комиссару.

– Да, комиссар, был такой эпизод. Признаться, мне даже не по себе стало, так зло Акида это произнес.

– Осторожнее с лебонами, а тем более – с Акидой, – эффектно усмехнулась Аида, значительно вздернув дуги бровей. – Не то наведет на нас всех порчу!

Вот тут комиссар повел себя молодцом: по всей видимости, притомившись от агрессивного кокетства красавицы в присутствии ее собственного мужа, он решительно хлопнул себя по коленям и поднялся.

– Давайте не будем тянуть время, – сказал он. – Я попрошу господина Нгума выделить помещение, где я мог бы взять показания у каждого из вас – по очереди, начиная с гостей из России.

При этом он любезно улыбнулся лично мне. Джимми с готовностью кивнул, одновременно почти молитвенно сложив ладони на груди.

– Без проблем, комиссар! Но я очень попросил бы вас поскорее все провести. Сегодня сочельник, и у нас намечено большое торжество: на вечерней службе в городском храме я преподнесу в дар статуэтку Черной Мари...

– Наслышан. Как это окрестили газетчики: «Дары волхвов», – кивнул комиссар, мимоходом бросив взгляд на свои наручные часы. – Тем более давайте побыстрее все начнем!

Что ж, комиссар действительно провел наши допросы чрезвычайно быстро: ФИО, возраст, социальный статус и место жительства плюс краткое описание всего, чему ты был свидетелем. Естественно, меня он допрашивал чуть дольше, ко всему прочему уточнив цель моего визита.

– Вы приехали на сафари? – с видом знатока туристического бизнеса поинтересовался он с широкой улыбкой на лице.

Я, к его искреннему удивлению, отрицательно покачал головой:

– О нет, я чисто городской житель и не слишком люблю то, что называют дикой природой. Тигры, львы, баобабы – это по части моей мамы, она вся живет природой и ее проблемами.

– Значит, вы приехали просто обнять свою маму? – с усмешкой приподнял бровь комиссар.

– Точно! – решительно качнул я головой. – Обнять и вместе с нею справить Рождество. А что здесь плохого?

Комиссар пожал плечами и вдруг неожиданно широко улыбнулся, погрозив мне черным пальчиком:

– Знаю-знаю! Если турист не любит сафари, значит, любит красивых черных девушек. Но – осторожно! Не советую разгуливать по ночному городу. Все-таки вы, мистер, белый...

Последнее слово прозвучало с легким пренебрежением и даже сожалением о некоем совершенно очевидном ущербе.

Я вздохнул.

– Комиссар, я не собираюсь гулять по ночному городу. Говорю вам: я приехал проводить свою маму. Она у меня замечательная, и я ее очень люблю. Неужели в Танзании никто не любит своих мам?

Вместо ответа комиссар лишь весело, едва ли не до слез расхохотался, как над лучшей шуткой года, после чего резко завершил нашу беспечную болтовню, попросив рассказать все, чему я стал свидетелем в студии Джимми и что может представлять интерес для следствия.

Естественно и натурально, первым делом я рассказал о странной женщине, с головы до ног укутанной в черную хламиду, которая неподвижно стояла перед миниатюрой в зале номер два. Эта информация ничуть не заинтересовала комиссара, он лишь пожал плечами, отметил, что в городе подобные дамы не такая уж редкость – приезжают из глухомани, чтобы прикупить подарков и вернуться назад; почти тут же Мбове попросил меня продолжить рассказ. Тогда я поведал, как выскочил из студии, надеясь увидеть стремительно удаляющийся силуэт с кинжалом в руках, но вместо этого наткнулся на Акиду, который решительно зашел в студию и прошел напрямик в третий зал, как будто точно знал, что увидит там труп своего врага.

– Врага? – приподнял бровь комиссар. – А откуда вы знаете, что убитый был врагом Акиды?

Теперь пожал плечами я.

– Этого я не знал, просто предположил. Если этот ваш лебон прокаркал над трупом, что настало время ему смеяться над убитым, какие выводы об их отношениях вы бы сделали?

Комиссар широко улыбнулся, задал еще пару-тройку вопросов для протокола и отпустил меня на все четыре стороны, на всякий пожарный уточнив, куда я направляюсь. Я сказал, что отправляюсь в «Кофейный рай».

Глава 9

«Кофейный рай»

Так как вместо запланированного на прогулку часа на все про все у нас ушло больше трех, мы с мамой почти бегом вернулись домой, прихватили все необходимые вещи и вновь спустились во двор, усевшись в мамин джип, чтобы ехать на кофейную ферму ее доброго приятеля Томми.

– Уверена, вы с Томми быстро подружитесь, – выруливая со двора, заметила мама. – Он у меня веселый и славный. Кроме всего прочего, расскажет тебе о кофе кучу любопытнейших вещей – так сказать, просветит.

Я заверил маму, что со своей стороны сделаю все от меня зависящее, чтобы стать с Томми не разлей вода друзьями. Она лишь рассмеялась. Мы пересекли с востока на запад всю Арушу, попетляв по ее пестрым улицам, после чего вылетели на свободную и достаточно широкую загородную трассу.

Вот где я в буквальном смысле понял значение классической фразы: «Страна чудес!» Представьте себе картину: дорога, по обе стороны которой – изумрудная зелень полей с причудливыми баобабами, под которыми задумчиво жуют травку полосатые зебры, бойко скачут обезьянки, а то вдруг выглянет из зеленой кроны любопытная мордочка жирафа.

Я глубоко вздохнул.

– Невероятно. – Я усмехнулся и сделал жест, словно хочу протереть глаза. – Прости меня, мама, но я, похоже, еще не окончательно адаптировался. Это что – настоящие зебры и жирафы?

– Абсолютно реальные, – энергично ответила мама. – Если хочешь, я приторможу, и ты сможешь выйти и приблизиться к ним. Что касается макак, то они сами к тебе кинутся – эти божьи создания привыкли если не получать подарки в виде яблок и бананов, то отбирать их.

Что ни говори, а я хорошо знал свою маму: не запротестуешь – она тут же действительно притормозит и устроит тебе экскурсию в дикий мир Африки, позабыв о Рождестве, всех родных и близких. Поэтому я решительно поднял обе руки вверх:

– Нет-нет-нет! Спасибо за предложение, но я отказываюсь! Ты же меня знаешь, мама: я предпочитаю наблюдать живую природу на экране телевизора.

Естественно, мама в очередной раз весело и жизнерадостно расхохоталась.

– Тогда любуйся объемным видеоизображением, ведь это сейчас модно? В формате 3D! Жаль, ты не взял с собой камеры!

Так, беспечно болтая и любуясь пейзажами, мы докатили до фермы за считанные минуты. Пришло время мне познакомиться с маминым хахалем.

Томас Шнайлер действительно оказался на редкость милым человеком – из тех, что покоряют с первой же встречи своим добродушием и гостеприимством. Едва мы подъехали к сказочно-белоснежному двухэтажному домику в окружении буйной зелени кустарников и целой плантации банановых пальм в перспективе, как на пороге появился волшебный «гном»: невысокий крепкий мужичок, загорелый и улыбчивый, как истинный масаи, но с почти ослепительно-голубыми глазами и аккуратной щеточкой абсолютно седых волос.

– Приветствую тебя, дорогой Алэн, на нашей ферме! – Шагнув мне навстречу, он улыбнулся еще шире, распахнув руки для объятий. – Чертовски рад наконец-то с тобою познакомиться!

Что ж, я тоже был рад нашему знакомству; мы трижды обнялись и душевно похлопали друг друга по плечам, после чего Томас чмокнул в щечку маму, и мы дружно направились вслед за хозяином в дом.

Итак, на часах время шло к семи, до торжества в католической церкви оставалось еще два часа с лишком, а потому мы расселись за широким деревянным столом в уютной кухне, и Томас принялся потчевать нас классическими немецкими сосисками, тушенными с капустой, а мама, уминая свою порцию, в красках поведала ему о жутковатом убийстве в студии Джимми, свидетелями которого мы с ней стали.

На протяжении всего рассказа Томас то и дело потрясенно охал и поправлял свои очки с плюсовыми стеклами, за которыми его голубые глаза казались невероятно огромными и изумленными.

Между тем по ходу своего рассказа мама и меня информировала по части отдельных моментов.

– Дорогой Ален, ты ведь не в курсе, – бойко цепляя на вилку сочную сосиску, заметила она, – у меня просто не было времени тебе сообщить, но этот самый бедняга Нгала, которого столь зверски убили, – один из худших работников фермы Томми, прости меня, Господи.

– Да, это уж точно, пусть и нехорошо так говорить о мертвых, – согласно кивнул Томми. – Нгала действительно был редкий лентяй. Остальные ребята у меня просто замечательные – умеют и работать, и отдыхать, ты и сам сегодня все это увидишь, а вот Нгала...

Он безутешно вздохнул, покачав головой.

– Нгала почище любой старой сплетницы слонялся там и тут, всюду подслушивал, выпрашивал и передавал другим сплетни, чужие разговоры. Ему очень нравились всевозможные дразги и скандалы!

– Сколько раз я тебе говорила: не принимай его на работу! Все равно от парня не было толку! – встряла мама. – Но ты меня не слушал...

Тут и я задал вопрос:

– И как долго он у вас работал – год, два?

Мама торжествуя хохотнула.

– Ха-ха! В течение последних пяти лет, мой дорогой Ален: с началом нового сезона на кофейной плантации Томми каждый раз принимал его на работу. И все пять лет я уговаривала его не делать этого – напротив, послать лентяя куда подальше.

Я ободряюще улыбнулся порозовевшему Томми.

– Зачем же вы брали на работу лентяя? Раз уж все и вы сами стопроцентно были уверены, что парень работать не будет...

Славный Томми вновь покачал головой.

– В том-то и дело, что поначалу его здесь никто толком не знал! Нгала приехал из городка Табор на севере страны, где работал на крупнейшей кофейной ферме, что и сообщил мне первым делом в качестве рекомендации. Я, каюсь, по глупости поверил ему на слово...

Мама многозначительно усмехнулась, а бедняга Томми тут же попытался грозно нахмуриться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.